

Хоть Чэнь Линьго и рвалась всех угостить, у кассы Цзян Чу всё равно расплатился сам.

У него просто в голове не укладывалось, как можно поужинать с девушкой, а потом позволить ей достать кошелёк.

Чэнь Линьго и впрямь немного смутилась. Стоило им выйти из «Хайдилао», как она виновато пробормотала:

— Ой, Чу-гэ, я опять у тебя в долгу! Давай тогда я вас хоть в кино свожу?

Цинь Цзуй шёл рядом, опустив голову и лениво пиная носком кроссовок палочку от леденца. При этих словах уголок его губ едва заметно дёрнулся вверх.

Цзян Чу покосился на него и ответил:

— В другой раз. Тебе же ещё нужно в магазин? Поздно уже, супермаркеты скоро закроются.

— И то верно, — тут же заулыбалась Линьго. То ли характер у неё был покладистый, то ли она действительно не умела долго сокрушаться, но никакой неловкости девушка не почувствовала.

Ей нужно-то было всего ничего: чипсы, кола, печенье да пиво. На турбазе всё это, конечно, тоже продавалось, но по грабительским ценам.

Пока она катала тележку между рядами с бакалеей, мужчины неторопливо следовали за ней. Младший то и дело утыкался в телефон, отвечая на сообщения, а старший посматривал на него с молчаливым прищуром.

— Чего смотришь? — даже не поднимая глаз, спросил Цинь Цзуй.

— Жду, когда ты в стеллаж вступишь. Прикидываю, во сколько мне обойдётся ущерб, — отозвался Цзян Чу.

Цинь Цзуй усмехнулся и убрал мобильный в карман.

— Хочешь чего-нибудь — возьми тележку, — добавил Цзян Чу. — Братец спонсирует.

После этих слов уже Цинь Цзуй замер и смерил его долгим взглядом.

— А теперь ты чего уставился?

Цзян Чу и сам не понял, почему этот дурацкий диалог вызвал у него улыбку. Оба они сейчас вели себя как два дураля.

Цинь Цзуй ничего не ответил. Они как раз проходили мимо стойки с тележками; он просто потянул одну на себя и первым делом закинул внутрь огромную упаковку туалетной бумаги.

Цзян Чу понятия не имел, сколько рулонов осталось дома, зато приметил соседний отдел. Вспомнив, что пацан в прошлый раз уплетал консервированные персики за милую душу, он закинул в корзину три банки персикового компота.

Линьго всё крутилась у полок с продуктами. Цзян Чу окликнул её:

— Возьми одноразовые полотенца. И дорожные флакончики — вы, девчонки, обычно переливаете туда свои шампуни и кремы, чтобы не тащить целые бутылки.

— Ой, точно! Сестра Бао Ли тоже мне про них говорила.

Девушка тут же свернула в отдел гигиенических товаров. Набрал всё необходимое и прикинув список, она покатила тележку к кассам.

На выходе у них оказалось два увесистых пакета. Линьго попросила отдельный мешочек поменьше, чтобы сложить туда средства личной гигиены.

— Ты где живёшь? Давай подбросим, — предложил Цзян Чу.

— Да не нужно! — Она помахала перед его лицом экраном телефона. — Нам совсем не по пути, я в другом районе живу. Уже вызвала такси, будет через три минуты.

Цзян Чу вежливо улыбнулся и согласился, но про себя твёрдо решил вечером набрать Да Бэню и высказать всё, что думает об их семейном подраде. Ещё толком ничего не началось, а они уже выложили девушке его домашний адрес!

— Но пакеты с продуктами я закину к тебе в багажник, ладно, Чу-гэ? — спохватилась она. — Брат Бэнь сказал, что завтра я поеду с тобой, так что нечего мне таскать тяжести туда-сюда.

— Договорились. Вечером обсудим с ребятами маршрут. Я напишу тебе в вичате, во сколько и где тебя забрать.

То, что она поедет с ним, было решено без его участия — в этом сомневаться не приходилось.

— Отлично, тогда до завтра! — У Чэнь Линьго зазвонил телефон. Отвечая водителю, она

помахала им обоим на прощание: — Пока, младший братишка!

По дороге домой телефон Цинь Цзюя вибрировал ещё дважды, но тот даже не прикоснулся к нему.

Цзян Чу молча крутил баранку, пытаясь разложить по полочкам всё, что услышал от Чэнь Линьго во время ужина. Пазл понемногу складывался, и предчувствие, что у пацана есть какая-то тайна, крепло с каждой минутой.

Даже то приглушённое «Сяо Цзуй-гэ», которое он когда-то расслышал из динамика его дешёвой мобилы, теперь казалось странным. Мальчишки в их возрасте так друг друга не называют.

Человеческий мозг устроен удивительно: пока не обращаешь внимания, всё кажется обычным. Но стоит зародиться одному крошечному сомнению, как память тут же выстраивает бесконечную цепочку мелких деталей, подтверждающих твои худшие догадки.

Вернувшись домой, Цинь Цзуй сразу ушёл в душ. Цзян Чу переоделся в домашнее и развалился на диване, бесцельно листая ленту под бубнящий телевизор.

Когда парень вышел из ванной, Чжоу Тэн тут же принялся тереться о его ноги и требовательно мяукать. Цзян Чу покосился на кота:

— Опять выпрашивает.

Цинь Цзуй достал лакомство. Окутанный влажным теплом после душа, он опустил на одно колено и принялся терпеливо кормить питомца с рук.

Цзян Чу наблюдал за ним поверх экрана телефона. Было в этом парне нечто удивительное, даже парадоксальное.

Внешне он держался невероятно отстранённо и дерзко — и с матерью, и с отчимом, да и вообще со всеми подряд, не разбирая лиц и пола. Но где-то глубоко внутри у него скрывалась поразительная чуткость.

Особенно к Чжоу Тэну — этому изнеженному домашнему оболтусу, который без человека и дня бы не выжил. Парень возился с ним молча, без всех этих приторных сюсюканий и тисканий, но с каким-то бесконечным терпением. И это выглядело на удивление... нежно?

Пожалуй, к людям он относился так же. Взять хотя бы Лу Яо: как бы сильно она его ни раздражала своим нытьём, он всё равно не забыл предупредить её про воротник.

Или за ужином с Чэнь Линьго — молча подкладывал ей в тарелку то кальмаров, то свиные мозги.

Да и бесконечные звонки от этого Лян Сяоцзя, вероятно, укладывались в ту же схему.

Мысли снова вернулись к загадочному Сяоцзя. Цзян Чу устроился поудобнее, закинув ногу на ногу, продолжил вяло переписываться в групповом чате с Да Бэнем и как бы невзначай спросил:

— Слышь, Цинь Цзуй, а ты встречался когда-нибудь с кем-то?

Краем глаза он заметил, как парень замер, бросил на него короткий взгляд и лишь потом сухо поинтересовался:

— С чего вдруг такой вопрос?

— Да просто так, любопытно стало, — Цзян Чу отложил телефон и приподнялся на локтях. — Почему на любой мой вопрос ты вечно отвечаешь встречным «с чего вдруг»? У тебя на родине друзья вообще никогда просто так языком не чесали?

Опасаясь, что тот сейчас закончит с котом и сразу сбежит к себе, Цзян Чу, не дожидаясь ответа, вытянул ногу и легонько ткнул его пяткой в бедро:

— Сходи на кухню, открой мне персики.

Цинь Цзуй перехватил его лодыжку мёртвой хваткой и поднялся, глядя сверху вниз.

— Опять приёмы на мне отрабатывать собрался? — Цзян Чу вскинул брови и замахнулся второй ногой, целясь пониже живота.

Из-за резкого движения подол его просторной футболки задрался, обнажая полоску подтянутого живота.

Взгляд Цинь Цзуй замер на этой теплой коже. На секунду парень оцепенел, и в его памяти вдруг вспыхнуло воспоминание о том, как за ужином он заталкивал Цзян Чу в рот сладкий шарик, а тот легонько прикусил его палец.

Он резко выпустил чужую лодыжку и, машинально потеряв подушечку указательного пальца, молча развернулся и ушёл на кухню за консервным ножом.

Впрочем, даже сладкий десерт не помог развязать ему язык. Они сидели на диване перед

телевизором и молча жевали фрукты; выудить из парня хоть какую-то крупицу личной информации так и не удалось.

Когда Цзян Чу напрямую спросил, какие девушки ему нравятся, Цинь Цзуй замер с наколотым на вилку кусочком персика. Он медленно повернул голову и вперился в собеседника тяжёлым, пронзительным взглядом:

— Что именно ты хочешь узнать?

Цзян Чу замолчал, не зная, что ответить. Он и сам до конца не понимал, к чему клонит.

"Почему ты постоянно строчишь этому Лян Сяоцзя? У вас с ним что-то личное? Или ты вообще... предпочитаешь парней?"

Задать эти вопросы вслух не поворачивался язык. В конце концов, это была личная жизнь Цинь Цзуй, а сам он оставался лишь посторонним человеком, приютившим его под своей крышей. Их так называемое «братство» было куда более хрупким и призрачным, чем даже формальная связь парня с родной матерью.

Скажи Цинь Цзуй сейчас простое «А тебе-то какое дело?», и крыть было бы нечем.

К тому же, Цзян Чу не верил, что парень действительно гей. Это казалось слишком сюрреалистичным, словно из какого-то параллельного мира. Слишком дико и далеко от их привычной реальности.

И всё же интуиция так просто не затыкалась. Что-то здесь было не так. Странно, чертовски странно.

И эта его глухая оборона лишь подливала масла в огонь.

Они молча мерили друг друга взглядами, пока из динамиков телевизора не донёсся неестественно громкий закадровый смех какого-то развлекательного шоу.

Цзян Чу отвёл глаза и с самым невозмутимым видом отправил в рот кусок персика:

— Да так, прикидываю, подошла бы Чэнь Линьго на роль твоей невестки или нет.

Услышав это, Цинь Цзуй мысленно выдохнул.

Но следом в груди заворочалось глухое, липкое раздражение, мгновенно испортившее настроение.

Точно такое же, как тогда, когда он впервые увидел на экране его телефона кокетливое «Чу-гэ» от этой девицы.

Чэнь Линьго явно не была его давней пассией. По крайней мере, до появления Цинь Цзуй в этом городе они точно не общались. Сегодняшняя встреча наглядно показала: они едва знакомы.

И трёх дней не прошло, а он уже о свадьбе думает? Невестку мне тут подбирает?

— Меня-то зачем спрашиваешь? Сам будто не знаешь, какие девчонки тебе по вкусу, — буркнул он.

Цзян Чу откинулся на спинку дивана, вытянув свои бесконечные ноги, и лениво протянул:

— Представь себе, без понятия. Знал бы — у тебя не допытывался бы.

Цинь Цзуй промолчал. Не отрывая глаз от экрана, он дожевал последний персик, поднялся и направился к себе, бросив на ходу:

— Не знаю я.

— Дикий кабан, — пробормотал ему вслед Цзян Чу и громко добавил: — Собери шмотки на смену! Выезжаем рано утром, сам тебя разбужу.

В своей комнате Цинь Цзуй рухнул на кровать и прикрыл глаза тыльной стороной ладони, тяжело и протяжно выдохнув.

Ему не следовало так срываться. Цзян Чу искренне считал его близким человеком — и, что важнее, нормальным парнем, с которым можно потрепаться о девчонках.

Вот только нормальным он не был.

И эта ненормальность с каждым днём становилась всё глубже, утягивая его куда-то совсем не туда.

Оставленный на подушке телефон снова коротко завибрировал. Цинь Цзуй с досадой потянулся к нему. На экране высветилось уведомление от Лян Сяоцзя.

[Лян Сяоцзя: Цзуй-гэ, прости меня]

[Лян Сяоцзя: Я больше не буду пороть чушь, только не злись]

Цинь Цзуй тупо смотрел на светящиеся строчки, не зная, что ответить.

Через минуту экран погас. Парень снова коснулся его пальцем, и в полумраке вспыхнула заставка — та самая фотография, где Цзян Чу, шутки ради, запечатлел себя сверху вниз: задравшаяся футболка и рельефный, поджарый пресс.

Цзян Чу установил это фото ему на рабочий стол в порыве какого-то пьяного дурачества. Цинь Цзуй тогда порывался сменить картинку, но почему-то так и не поднялась рука.

В гостиной по-прежнему бормотал телевизор, слышались ленивые шаги — Цзян Чу пошёл на кухню, чтобы выбросить пустую жестянку.

Цинь Цзуй уронил мобильник экраном вниз себе на грудь и прикрыл глаза.

Та полоска кожи, мелькнувшая на диване пару минут назад, теперь упрямо накладывалась на светящуюся картинку с экрана, выжигая след в памяти.

Мысли предательски поползли выше: вспомнилось, как Цзян Чу вышел из ванной после той пьянки — полуголый, влажный, с каплями воды на разгорячённой груди и сосками, сжавшимися от прохладного воздуха из кондиционера; как тот навалился всем телом ему на плечо, хмельной и весёлый, и обжигаяще дышал в шею, шепча какую-то ерунду... И то, как...

Пальцы Цинь Цзуйа непроизвольно сжались. Тот самый сустав, которого коснулись зубы Цзян Чу, отозвался едва заметной, фантомной щекоткой.

Тихо застонав сквозь зубы, парень перевернулся на живот и уткнулся лицом в прохладную подушку.

"Зря ты вообще меня спросил. На вопрос о том, какие девчонки мне нравятся, у меня просто нет ответа"

<http://bllate.org/book/18398/1785047>